

ИНДИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

СЫН ВАРДЖУНА

И.П. Глемба, А.Г. Прохоренко

Индия на перепутье

Андрей Прохоренко

Сын варджуна

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Сын варджуна / А. Прохоренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Индия на перепутье)

Индия, княжество Паджуб около шести тысяч лет тому назад. В жизни одного из сыновей правителя княжества, Пандара, в возрасте семи с половиной лет приходит время перемен. Перед ним, после встречи с риши Хеонаром, встает вопрос выбора жизненного пути: пройти обучение как будущий риши или остаться в доме родителей, чтобы впоследствии стать правителем вместо отца. О приключениях юного Пандара, покинувшего отчий дом, заново открывающего для себя реальный мир, обучаясь в школе под руководством опытных наставников, о взаимоотношениях с отцом-варджуном, преподавшим сыну жесткий урок, а также об Индии и жизни различных групп ее населения в преддверии смены эпох книга «Сын варджуна» из серии «Индия на перепутье».

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Во времена перемен	7
Глава 2. В Данжаре	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

И. П. Глемба, А. Г. Прохоренко

Сын варджуна

Книга 1

Предисловие

Наверное, в мире существует не так уж и много стран, история которых уходит корнями в глубокую древность на шесть и более тысяч лет. Еще меньше стран на Земле, отдельные представители народов которых знают хотя бы на один-два процента свою действительную историю.

Индия – одна из тех стран, на территории которой издавна, даже не шесть, а семь-восемь тысяч лет назад уже существовали достаточно развитые государства. Следов деятельности жителей тогдашних государств (княжеств), естественно, не сохранилось.

Даже в преданиях и в Ведах нет ни слова о событиях, которые развернулись преимущественно на территории Куурешта (земли с обеих сторон Инда), Сиятэи и Паджуба – центральных областей Индии чуть больше шести тысяч лет тому назад. События того времени изменили не только судьбу народов, проживающих на территории Индии, но и стали определяющими для населения всего земного шара на последующие тысячелетия.

Книга, с содержанием которой знакомится читатель, о времени завершения завоеваний ариев и арийского периода в жизни народов и наступлении на нашей планете эпохи тьмы, раздора, невежества, постепенного, но последовательного уничтожения людей мыслящих. Приход на Землю черно-плазменного существа – Кали-Кашпии положил начало сворачивания всех производств на основе технологий, доставшихся человечеству от предков – элтов-свободнорожденных – представителей прошлой цивилизации, которую мы, люди, называем Атлантидой.

О событиях, предшествовавших приходу Кали, о том, как устанавливалась Кали-юга, чем жили передовые и знающие жители Куурешта и Паджуба, его столицы – Араваха, называющие себя экзахами, а также риши и апшары, рассказывает на примере своей жизни Пандуарамат, последний риши из рода Панду, а также другие риши и апшары.

Информация, содержащаяся в книге, надеемся, рассеет мрак невежества и забвения, осветит светом сознания те, не очень-то и далекие времена, когда на территории Индии еще сохранялись технологии и знания, соблюдались арийские законы. Хранителями арийского наследия были риши и экзахи – самая продвинутая часть населения Индии, заботящаяся о том, чтобы знания не были затемнены и перекручены так, как это уже по факту произошло в наше время.

Все-таки мы, современные люди, живем во время самого темного периода Кали-юги, и, несмотря на то, что эпоха Кали закончилась чуть больше десяти лет назад, ее наследие никуда не делось и живет в людях, проявляясь в невежестве, дикости, других отклонениях и пороках, зачастую принимаемых за добродетели.

Риши и апшары столетиями поддерживали порядок и дух свободы и равенства на территории Индии. Их позиции особенно усилились в последние пятьсот лет до прихода Кали. По мере упрочения положения ришей и апшар нарастали совершенно противоположные тенденции как в их среде, так и на территории всех индийских княжеств.

Приходит время и все тайное становится явным. Предательство, дождавшись удобного момента, проявилось, причем так, что мир добра и справедливости, который, казалось, был таким крепким и прочным, распался, как картонный домик, а сквозь его осколки протяну-

лась костлявая рука тьмы, злобы и абсолютного подчинения темной силе и воле вновь провозглашенных владык, объявивших себя богами.

Предоставляем слово одному из главных хроникеров – риши Пандуарамату. Его повествование перенесет нас во времена, когда большая часть территории Индии была покрыта густыми и непроходимыми лесами, а культурные зоны с развитым земледелием и ремеслами составляли не более десяти процентов от ее общей территории. Располагались они преимущественно вдоль рек и на побережье.

Глава 1. Во времена перемен

Потомкам, живущим в далеком будущем, я, Пандуарамат, адресую эти строки. Жизнь моя подходит к завершению. Мне уже сто семьдесят два года. Я должен был уйти раньше, но дело, за которое я взялся, обязывает меня жить, поскольку необходимо его вначале завершить, а потом уже, будучи свободным, уйти. Дело это – не личное продвижение, не духовные подвиги, не нахождение в нирване, которое, как я понял, всего лишь умелая ловушка для тех, кто не знает, какие проблемы для личности создает ее прохождение.

История, которую я считаю необходимым довести до сведения потомков – есть история о том, как мы, риши и апшары, – самые продвинутые и знающие представители своего народа, проиграли бой силам тьмы, мрака и тени, которые, прорвав все защиты, ринулись на Землю.

Сейчас, когда я записываю строки своего повествования, черная Кали уже спустилась в земные слои вместе со свитой. Черно-плазменные существа начали свою работу по выкачиванию из воздуха, воды и тела планеты самого основополагающего – их жизненной энергии. Пока что они только начинают свою работу, последствия которой скажутся через тысячи лет. Слуги тьмы пассивны. Их аппетит в новых условиях еще не успел разгуляться.

Хоть Кали и пришла, но она и ее слуги еще не успели поставить под свой контроль все живое на Земле, также еще не успели уничтожить физически и духовно всех учеников ришей и апшар, которые разбрелись по свету в поисках лучшей судьбы. Многие из них решили вернуться в Аратту (Украина), кое-кто пошел на северо-восток в Идшлан (государство в районе Гоби). Немногие остались в Кууреште, Сиятэе и других княжествах, в густых и непроходимых чащах, надежно хранящих секреты. В городах и поселениях, расположенных в непроходимых лесах, еще можно встретить экзахов и учеников ришей, но годы их сочтены.

Слуги вновь провозглашенных правителей методично и шаг за шагом находят убежища беглецов и отшельников. Тогда пощады нет никому. Быстрая смерть в таком случае считается лучшей наградой. Впрочем, тех, кто разбирается в технологиях, в изобретениях и в машинах, оставшихся нам по наследству, щадят. Надо ведь кому-то обеспечивать достойное существование владык, но «счастливчиков», чьи страдания продолжатся в плену, даже не десятки, а единицы. Кровь, смерть, страдания и мучения стали уделом лучших представителей народов, населяющих Куурешт, Сиятэю, Паджуб и Аравах после того, как погибла наиболее подготовленная и знающая часть ришей и апшар. О чем мне и предстоит рассказать вам, потомки.

Я и сам еще недавно хотел умереть в бою, но счел такой поступок недостойным мужчины и звания риши, которое я, Пандуарамат, носил с возраста сорока пяти лет, после того, как прошел все положенные для этого испытания. Сейчас, когда я пишу эти строки, я уже не риши. Я снял с себя это звание и не выполняю все, что приличествует выполнять риши. В то время, когда на моей земле методично убивают или подчиняют темной воле и силе всех, у кого еще светлая голова, я не могу оставаться в стороне.

В возрасте ста двадцати лет я ушел из Аравах – столицы княжества Паджуб в непроходимые леса на север, откуда в дымке уже видны неприступные горы. Долгое время я жил в городе первых людей, отрезанном от всего мира, в обществе помощников и близких мне экзахов, наивно полагая, что меня обойдут творящиеся в мире зло и несправедливость. Но прошло время, и я понял, что этого не произойдет, поскольку законом мира является несправедливость и темная сила, которая год за годом, столетие за столетием устанавливает через своих адептов такой порядок на Земле.

Когда я увидел правду, а потом ее осознал, то понял, что необходимо делать все для того, чтобы представители темных сил не пришли к власти, не получили рычагов управле-

ния. Лучше, делая все от тебя зависящее, умереть, чем сидеть и отвлеченно наблюдать за тем, как все то, что сделано руками сотен поколений, в том числе и твоими собственными, сходит в небытие.

Той точкой не возврата, которая определила мою дальнейшую судьбу, стала гибель около тридцати ведущих ришей. Тогда я долго корил себя за то, что не оказался вместе с ними и не принял также, как они, смерть. Небытие все же лучше, чем жизнь опущенного и сломленного существа. Мне было тогда сто тридцать четыре года. Меня считали учителем и ришей, который нашел путь к бессмертию, обрел душевный покой, гармонию и тишину, но как ошибались те, кто так считали. Унижает ведь не сама смерть и не мучения, а то, что ты ничего не можешь сделать для того, чтобы предотвратить череду смертей и уничтожение народа, из которого вышел.

Хуже всего, когда, выигрывая в мелочах, ты понимаешь, что общего исхода тебе не изменить. Можно только достойно умереть или уйти еще дальше в непроходимые леса. Такая возможность есть сейчас у меня, но я осознаю, что бегство в сложившихся обстоятельствах означает полное поражение меня, как личности, как последнего из той семьи, которая еще каких-нибудь сто лет назад задавала тон в большинстве княжеств Индии. Уйти и предать все то, что я делал – недостойно памяти отцов и дедов, учителей, обучавших меня наукам. Поэтому я готовлюсь после написания своих записок умереть достойно с мечом в руках, ведя отряды экзахов в последний бой.

Пока у нас еще есть силы, есть базы, расположенные глубоко в дремучих лесах, куда без проводников может зайти, разве что безумец или самоубийца, есть оружие и, главное, есть люди, которые пойдут в бой и не испугаются смерти. Таким образом, мы, оставшиеся в живых экзахи и наши помощники, затаедем время и дадим некоторой части нашего народа уйти еще дальше на восток, далеко за Аруч (Ганг). Еще одна часть наших последователей уйдет на юг, но я предвижу, что вряд ли кто-то из них выживет и не попадет в руки лахваров (воинов-карателей, зачищающих Индию от экзахов). Может, единицам и удастся выжить, но даже им предстоит мрачное будущее. Быть гонимым – не удел ришей и экзахов, но таким станут наши судьбы в дальнейшем здесь, в Индии, на территории, где наши отцы, деды и прадеды были хоть отчасти хозяевами своей жизни.

Мне тяжело писать эти строки, вспоминая былые времена, когда лучшие из экзахов были правителями отдельных земель и княжеств, когда только в Аравахе с ближайшими окрестностями проживало свыше трехсот тысяч жителей. Для обучения подрастающего поколения в Аравахе было несколько школ. Когда в воздухе еще можно было заметить тельшуны (малые самолеты), а на передвижных кузнях изготавливали в считанные часы любое холодное оружие или инструмент. Что я вижу сейчас? От Араваха ничего не осталось. Несколько лет назад я был на месте этого еще недавно цветущего города. Зола, дикие собаки, шакалы и другие животные пробегают по руинам. Даже их уже разобрали.

Праншир – новый правитель Паджуба, приказал ничего не оставлять на месте Араваха. Еще бы, этот город, который поражал своим величием, был немой укором ему. Араваху уже было, как минимум, две тысячи лет с того момента, когда он был небольшим городком, а не поселением, пройдя свой путь от поселения до столицы. Здесь собирався цвет Индии, сюда на игры и на соревнования съезжались правители десятков княжеств, почитая при этом Брахмаджигодара – правителя Араваха и Паджуба. Он и его род долгое время правили в здешних местах, заботясь о процветании княжества и всех прилегающих к нему земель.

Брахмаджигодар или Годж, как его по-простецки между собой называли местные жители, был примером для всех правителей. Он правил твердой рукой и принимал решения, руководствуясь необходимостью. За неуступчивость и не склонность предоставлять кому-то выгоду его в конечном итоге и убрали. А все дело в предательстве, в тех людях, которые были в его окружении и только ждали момента, чтобы проявить свое темное естество.

Некто Руат, больше известный среди жителей, как Урдар Ширват, что переводилось, как Черный Полководец, убил Годжа, несмотря на то, что тот сам, своими руками поспособствовал тому, чтобы Урдар из простого воина стал старшим десятка, потом сотником, а потом и одним из ведущих полководцев Брахмаджигодара.

Так устроен наш мир – кто еще недавно прославлял варджуна (князя), склонял перед ним голову, а иногда становился на одно колено, оказывая ему почести, тот ныне ходит в богатых одеждах, живет во дворце и снисходительно относится к подчиненным. Впрочем, судьба Черного Полководца, предавшего Годжа, уже предрешена. Смерть скоро найдет его, где бы он ни скрывался и какие бы телохранители его не прикрывали. Произойдет это тогда, когда я, Пандуарамат, завершу свой рассказ.

Все уже написано за исключением первых и последних глав. Мне осталось только кое-что подкорректировать и упомянуть в нем про смерть Черного полководца, его помощников и некоторых варджунов, которые еще пока что живы, но только пока. Я знаю, что их смерть не вернет мне моих учеников, ришей Автара, Праджалая, Чаватанга, Санадира и других, не вернет апшар Кайру, Дану, Астэю, Читлию, многих других экзахов, которые сложили свою голову в боях и сражениях, развернувшихся на территории Индии во всех ее княжествах и уделах. Не вернет, но сделав так, что повинные в их смерти лишатся жизни, я хоть как-то поддержу все дело моей жизни, которое скошено смертоносной косой прибывшей Кали и ее сообщников, многочисленных адептов разнообразных орденов тени, смерти, почитателей темного огня, крови и других обожателей черной магии и кровавых ритуалов.

При Годже не было такого безобразия и надругательства над человеческим началом. До сих пор, хотя после смерти варджуна прошли уже десятилетия, не могу понять, откуда в Индии взялось такое количество разного отребья, почитателей кровавых жертв во имя богов, хотя на самом деле энергии существ, которым поклоняются, черны и беспросветны. Они – демоны и асуры, воплощения черных энергий и антидуха, пришедшие на Землю с целью постановки всего ее ресурса под свой контроль.

Недалекость и подхалимство, соединенное с невежеством и глупостью, при дворах варджунов и садхов (мелкопоместный князек) теперь празднуют победу. Еще немного и Кали начнут почитать как мать всех богов, а ее безжалостных помощников нарекут богами и начнут приносить им жертвы и поклоняться. В общем, Индия, та страна, которая мне была так дорога, быстро начнет опускаться во тьму невежества, мистицизма и темноты, духовного и душевного обнищания. Процессы эти будут происходить на протяжении тысяч лет, но уже сейчас им положено начало.

Труд мой – прямое свидетельство о существовании совершенно другой Индии, в которой свобода и равенство, честь и справедливость – не пустой звук. Большую часть моей жизни так и было, пока все то, что было создано и наработано сотнями предыдущих поколений, за несколько десятилетий не превратилось в прах и пепел.

Нет ничего хуже того, как быть свидетелем медленному умиранию всего, что было тебе дорого. Сил может не хватить выдержать все то, что я вижу. Мой труд, мои ученики, дело ришей, – все уничтожено почти что под корень. Вместо ришей вскоре придут адепты, которые окончательно извратят все до неузнаваемости, изменят основу знаний, затемнят их, сделают их зависимыми от «богов» и других черно-плазменных существ.

Радует меня мысль о том, что я, риши Пандуарамат, уже не увижу результатов такой деятельности. Вот только не безразлично мне, что произойдет с моей Родиной. Да, не безразлично, но все, что я могу сделать, перед тем, как достойно уйти из жизни, это написать повесть о том, свидетельством чему я был и рассказать о той Индии, которую никто не знает.

Только таким образом я могу внести свой вклад в будущее, чтобы потомки, а я знаю, что кто-то из них прочитает мои записки, узнают правду и правда эта станет достоянием гласности. Может, я во многом и наивен, может, это уже многим не будет нужно, поскольку к

тому времени, когда будут прочитаны мои записки, люди во многом потеряют человеческое подобие, окончательно разложившись и поддавшись порокам, но кто-то все-таки сделает выводы и, возможно, начнет жить по-другому. На это надежды мало, но иных способов для того, чтобы у моих потомков был хотя бы какой-то шанс, я найти не могу.

Я знаю, что моя борьба конечна, что сил у нас слишком мало, чтобы противостоять ставленникам тьмы, асурам и ракшасам в человеческом облике, захватившим власть. Знаю, что, даже, если мы на первых порах одержим победу, то все равно новые силы наших врагов, но уже в большем количестве через несколько лет уничтожат нас, оставшихся в живых экзахов и их помощников. Известно мне и то, что, работая против наших врагов, против представителей сил инволюции, ты работаешь за них, но выхода у меня иного нет, кроме как возглавить войну с ними. Я знаю, как разбить войска варджунов, перешедших на сторону Черного Полководца. Осведомлен я и о его слабых местах.

Время поджигает. Все-таки мой возраст говорит сам за себя. Иногда мне уже трудно передвигаться и я предпочитаю долгое время сидеть, отдыхая и накапливая силы для решающих событий. Предчувствие приближающихся событий, в которых я последний раз проявлю себя, и мой труд, который я вот-вот закончу, радуют мое сердце. Я мог бы уйти хоть сейчас, используя одну из техник и отделив тонкие тела и оболочки от физического тела, но это бегство недостойно меня, как мужчины, которое долгое время вел ришей. Если я поступлю так, то предам себя, дело, которому отдал всю жизнь и память моих учеников, которые все одним за другим уже ушли из жизни в расцвете сил. Некоторые из них даже еще не преступили черту в сто лет.

А что такое сто лет для риши? Это только период наступления второй зрелости. Мы живем до ста пятидесяти – ста семидесяти лет в силе, когда можем еще сами ходить и выполнять специальные упражнения, продлевающие срок жизни физического тела. Тело не вечно, но правильная его эксплуатация, мысли, чувства и состояния, которые продлевают жизнь, знания, позволяющие быть сильным и накапливать в себе силу, а не терять ее, – все это и не только будущие риши и апшары знают с юных лет. Я кратко расскажу о системе нашей подготовки и о том, чем мы занимались, чтобы картина нашей жизни была полной, не было какой-то недосказанности и неясности.

Может, мое вступление несколько сумбурно, но я слишком расстроен смертью моих лучших учеников. Несмотря на всю свою подготовку и стойкость, умение спокойно реагировать на происходящее, чтобы не произошло, смерти Автара и Праджалая, которые произошли семь лет назад, когда мне было сто шестьдесят пять лет, потрясли меня. Я мог все изменить, так я считал, мог успеть им на помощь, но опоздал всего на несколько часов. Их тела уже готовы были после смерти привести в жертву, подвергнув ритуалу, но посланцы ордена вашитов и воины Черного Полководца не позаботились о том, чтобы выставить охранение, уверенные в своей безнаказанности.

Бой был короткий, как это бывает всегда, когда нападения не ждут. В первый раз я, Пандуарамат, не сдерживал воинов и не внял голосам о пощаде. Убийцы Автара и Праджалая были уничтожены. Я торопился. Тела ришей я сжег, совершив прощальный обряд, а пепел рассеял на берегу одного из притоков Ганга. Щемящая боль долго не покидала сердце. Автару исполнилось всего девяносто шесть лет, а Праджалаю – восемьдесят два. Оба риши были еще так молоды. Индия тогда потеряла лучших из своих детей. Оба были учителями, оба, когда им не было еще и сорока лет, прошли самадхи и к сорока пяти годам уже стали ришами, что само по себе уже достижение, поскольку ришами обычно становились к шестидесяти годам после ряда испытаний.

Я, когда бездыханные тела Автара и Праджалая лежали передо мной, смотрел на них и думал: «Дело ришей некому продолжить. Ушли лучшие из них. Преемственность прервана. Недоучившиеся ученики ришей разбрелись по свету в поисках лучшей судьбы. Но есть ли

она? Ее нет, – отвечал я сам себе. – Везде одно и то же. Даже в Аратте и в той наступили смутные времена, когда лучшие арии вынуждены скрываться или уходить подальше от преследования».

Грустно осознавать, что ты пережил своих учеников, что ничего не смог сделать для того, чтобы в решающий момент помочь им и тем самым сохранить им жизнь. Впрочем, как я разобрался позже, шансов у Автара и Праджалая выжить не было. Слишком многое сделали эти двое после гибели большей части ришей и апшар для того, чтобы отсрочить приход кровавой Кали и ее сообщников. Для того чтобы в течение более тридцати лет вдвоем с помощниками и недоучившимися учениками противостоять армиям варджунов, представителям тайных орденов, которые наводнили своими адептами все аншиты (княжества или области, подконтрольные садхам и варджунам, с которых они собирали дань), необходимо иметь незаурядные способности и силу. Обладать чутьем и выдержкой. Видеть на несколько шагов вперед. Даже в таком случае борьба проигрышна.

Рано или поздно тугой аркан и магическая уздечка спеленают тебя. Нет смысла бороться впрямую. Поступая так, ты только совершенствуешь силы тьмы. Но знание этого факта не радует меня. Я ушел из мира и жалею об этом. Если можно было бы все изменить, то я вошел бы в число ришей, принявших на себя удары Маздара и Тайгы, – черно-плазменных существ, духов тьмы, которые расчищали дорогу для того, чтобы Кали сошла на Землю. Или активно помогал бы Автару, Праджалаю и Чаватангу в их борьбе. Впрочем, уже поздно что-то менять. Жизнь прожита, чаша испита до дна. Предстоит сделать всего лишь полглотка, чтобы она опустела.

Все мы, люди, в этой жизни пьем ее напиток. Только одни умеют пополнять содержимое чаши и жизненные силы, благодаря чему их хватает на большее время, а другие транжирят и расходуют их за пятьдесят-шестьдесят лет. Как никто другой в свои годы я понимаю, что долгая жизнь – не награда, а наказание, особенно тогда, когда видишь конечный результат. Когда все то, что было дорого тебе, растоптано, уничтожено или поругано. Сил и бодрости добавляет лишь тот факт, что я пока еще что-то могу сделать своими руками.

Есть еще несколько садхов и варджунов, которые не слишком подчинены представителям темных сил. С ними еще можно говорить. Они и население этих княжеств, удаленное от центральных областей, – единственная моя надежда на то, чтобы попытаться в очередной раз освободить центральные области, в том числе Паджуб и Сиатэю от ставленников Шакира – варджуна, который является прямым воплощением Кали и проводит ее политику. Его задача объединить под своим руководством всю Индию. Если и не объединить, то поставить на место садхов и варджунов послушных ему руководителей. Черный Полководец служит ему. Впрочем, сейчас большинство варджунов и садхов переокрасилось в черные цвета. А кто не хочет поддерживать и почитать Кали и ее слуг, тот должен умереть. Иного не дано.

Теперь, когда я кратко прояснил ситуацию, обрисовав сложившееся положение, приступлю к повествованию. Начну его с рассказа об Аравахе и о вотчине ришей и апшар – поселении Данжар, где в двух днях пути от Араваха находилась школа, в которой юноши и девушки, с ранних лет обучаясь, готовились стать впоследствии ришами и апшарами. Я, риши Пандуарамат, в юношестве просто Пандар или Панду, также проходил обучение в этой школе, несмотря на то, что был сыном потомственного варджуна – Пандурама, чье справедливое правление сделало Паджуб и Аравах жемчужинами всей Индии. Тогда даже намек не было на трагические события, свидетелем которых я стал позже.

В те далекие времена моей молодости Индия была страной, где строго соблюдался закон. Да, нарушения естественно были, но они не носили такого массового характера, как в данный момент, когда в большинстве княжеств подавляются всякие свободы, а пока еще свободных жителей приучают верить в богов, поклоняться им и считать варджунов и садхов воплощениями светлых энергий и существами, устанавливающими порядок. Я жил в Индии,

когда в ней еще не было духовного гнета, а небо над головой жителей было чистым. На нем можно было видеть солнце, а тучи, если они и сгущались, то быстро рассеивались под светом светила. Так было еще лет шестьдесят назад.

Я не видел, правда, той скрытой работы, которая велась на протяжении последних столетий против экзачов и их элиты – ришей и апшар. Не ведал, что процветание Араваха на протяжении вот уже пяти сотен лет происходит на фоне скрытого увядания и создания условий для последующего резкого ухудшения ситуации во всей Индии, а не только в центральных княжествах, ведущим из которых был Паджуб. Он затмевал блеском своего величия, в первую очередь светом знания, не только Сиатэю, но и все княжества Индии. Понимание происходящего пришло ко мне позже, уже тогда, когда я стал риши. И то оно было отрывочным и фрагментарным. Всего того мрака, который скрыто проникал в нас, мы, риши и апшары, тогда не воспринимали. Впрочем, не буду перескакивать с одних событий на другие, последовательно поведу рассказ.

Когда мне было семь лет, мой отец, которого я любил, уважал и чтил, в один из дней вошел ко мне в комнату с незнакомым мужчиной. Он был старше отца на десятки лет. Моему отцу тогда было всего сорок восемь лет. Мужчина, стоявший с ним рядом, был чуть ниже отца ростом, слегка сухощав, но мускулист и жилист. Его лицо было спокойным, когда он взглянул на меня, а добрые и большие глаза, в которых я увидел затаенную печаль, осветились при виде меня светом радости.

– Вот мой сын – Пандар. Он, как я думаю, станет великим воином и достойным правителем. Пандар, как ты знаешь, шестой ребенок, мой самый младший сын.

Незнакомец молчал, глядя чуть мимо меня. Он улыбался мне, но улыбки на его лице я не заметил. Я знал и чувствовал, что отец неспроста привел незнакомца ко мне. Вскоре должно было многое решиться в моей судьбе. Тогда я не знал что, и молчал, искоса глядя на незнакомца. Его уверенность и сила, исходившая из него, выдавала в нем незаурядную натуру.

– Поздоровайся с путником. Он прошел долгий путь, чтобы увидеть тебя, – усмехаясь, произнес отец.

– Пусть день твой будет наполнен силой, а годы содержанием, – негромко произнес я, с интересом глядя на незнакомца и длинный посох у него в руке, заканчивающийся шаром.

Шар наверху посоха слабо светился, испуская при этом зеленовато-золотистую энергию. Мужчина, заметив мой интерес к посоху, усмехнулся. Улыбка контрастировала с его суровым лицом. Мне тогда показалось, что она – редкая гостья на нем.

– Понравился? – спросил он и слегка приподнял посох, шар на котором при этом окрасился еще и в изумрудный цвет с оттенками бордового и распространил свое влияние на мужчину и отца, даже в комнате посветлело. – Когда-то у тебя был такой же. Придет время и ты, если примешь мое предложение, получишь такой же. Он ждет тебя, но для того, чтобы его получить, тебе придется многое пройти и испытать свои силы. Что скажешь?

Я вопросительно посмотрел на отца.

– Говори, – нарушил молчание отец. – Мне и риши интересно услышать твой ответ.

Покидать дом отца мне тогда не хотелось, но в моей душе тогда шевельнулось что-то давно забытое, о чем я себе не отдавал отчет. Перед глазами промелькнули какие-то лица. Одно из них, лицо умудренного годами мужчины, пристально смотрело на меня. Он был спокоен и уверен в себе. Возраст мне было сложно определить. Я, чтобы лицо удалилось, провел рукой перед собой, отгоняя его. Незнакомец усмехнулся снова.

– Не бойся. Ты не привык видеть внутренним взором. Ты видишь прошлое духа, который представляешь в данный момент. Ты был в прошлом воплощении риши. Я пришел за тобой, но ты свободен в своем выборе. Не захочешь, со мной не пойдешь. Тебе решать.

– Что может решить ребенок? – раздался голос отца.

Лицо незнакомца стало строже. Он глубоко вздохнул.

– Есть несколько путей в жизни у Пандара. Я не могу даже тебе всего сказать. Ты прав, он может стать и варджуном, и полководцем, но это будет его поражением. Он обретет себя, пройдя многочисленные испытания, и станет собой, лишь обучаясь, как риши. Когда срок обучения пройдет, я отправлю его домой к тебе. Тогда он сам решит, кем ему дальше стать.

– Если ты видишь такое будущее, то, скажи, к чему мне готовиться?

– Всего не знают даже посвященные мужи.

– А боги и сверхсущества, которые помогают нам?

Лицо мужчины при этих словах отца стало еще строже. Он как-то даже напрягся внутри, после чего произнес:

– Нам, кроме нас самих, никто не поможет. Скажи, почему ты, обучившийся и многое знающий, уповаешь на кого-то постороннего, но не на себя? Ты хочешь, чтобы тобой скрыто или явно управляли? Хочешь не принадлежать самому себе?

– Продолжим нашу беседу в другой комнате, – предложил отец.

Незнакомец еле заметно наклонил голову, соглашаясь с ним.

– Думай Пандар. Хеонар пока что погостит у нас, но это будет недолго. Через семь дней он покинет нас и снова уйдет туда, откуда пришел. К этому времени тебе необходимо будет дать предварительный ответ.

– А куда дэвал (дядя) уйдет? Откуда он пришел? – спросил я.

– Какой ты любознательный, – заулыбался отец.

– Я уйду в Данжар, а потом еще дальше в леса, – пояснил риши.

– А там можно жить? Отец говорил, что там живут одни звери: слоны, тигры и обезьяны в огромном количестве. Там же нет людей!

– Леса, сазн (малыш), умеют хранить свои секреты. Мир велик, а ты только начал его изучать.

– А ты его уже изучил?

Мой неожиданный вопрос застал риши врасплох. Он не ожидал такого поворота событий и снова усмехнулся.

– Я только начинаю приходить к пониманию ряда вещей, – тихо произнес он.

– Ты не служишь богам, не служишь демонам, кому же ты служишь? – спросил я.

– Так не подобает разговаривать сазну со старшими, – произнес отец.

– Твой сын, как и любой другой житель, имеет полное право задать мне любой вопрос. Другое дело, как я отвечу на него, – со спокойствием и силой в голосе ответил риши. – Я не служу ни богам, ни демонам. Я не состою ни у кого на службе. Я провожу линию первых людей, которые тысячи лет назад пришли в мир после потопа на кораблях-ковчехах и занялись заново его обустройством. Задача моя и таких, как я, помочь большей части людей стать просвещенными и знающими. Еще способствовать тому, чтобы невежество, тьма и насилие не распространились по Земле, как это уже не один раз было.

– То, что ты сказал, слишком сложно для Пандара, – высказал свое мнение отец.

– Твой сын все понял, а что не понял, поймет с возрастом, – негромко, но с силой произнес незнакомец. – Я покидаю тебя, Пандар. Вернусь через семь дней, тогда мы с тобой поговорим на самые разные темы.

– Буду ждать, – прозвучал в тишине комнаты мой звонкий голосок.

После этого отец с незнакомцем ушли, а я занялся своими обычными делами, и думать забыл о нем. Я ничего тогда не решал для себя, жил, как и подобает сыну родителей, занимающих высокое положение в обществе.

К вечеру седьмого дня странное чувство стало овладевать мною. Как сейчас помню, я, резво бегавший в компании сверстников, внезапно прекратил игру и отошел от компании одногодков. Что-то должно было произойти, но что, было неясно. В тот момент я вспомнил,

что незнакомец обещал переговорить со мной. Солнце уже клонилось к закату. Оставалось часа два до завершения дня, а никого не было. Я нахмурился и уже хотел снова присоединиться к сверстникам, как вдруг я мысленно услышал чей-то голос: «Ты не забыл, что нам нужно переговорить? Я буду так скоро, что тень от шпиля дома, в котором ты живешь, еще не заслонит собой бассейн».

Мое внимание переместилось на бассейн, расположенный во дворе. Это сооружение было гордостью отца. В центре бассейна располагалась чаша фонтана, из которой в разные стороны и вверх били струйки воды. Бассейн наполнялся из подземного источника за счет достаточно сложной системы механизмов, подающих воду в башню, откуда она распределялась по всем помещениям дворца. Отец был просвещенным правителем и, как рассказывала мать, распорядился, несмотря на затраты, запроектировать и провести систему водоснабжения архитектору – Шавэуру, который и наблюдал за всеми работами.

Этого мужчину, немного сухощавого, слегка вытянутого, немного смешного и постоянно куда-то спешащего, я часто видел у отца, даже говорил с ним, поскольку любил беседовать с людьми, которые вызывали у меня интерес. Как-то я спросил его, может ли он запроектировать и изготовить моему отцу небольшой тельшун, чтобы вся наша большая семья могла на нем полетать и с неба обозреть землю. Шавэур серьезно отнесся к вопросу, даже слегка нахмурился, подбирая слова. Подумав, он ответил: «Мог бы, но это – не мой профиль. Вот, если бы отец обратился бы к специалистам своего дела, тогда они бы смогли сделать крылатую птицу искусственного происхождения, бесшумно летающую в воздухе».

Мне нравились тельшуны. Я с детства не боялся высоты. Наоборот, мечтал посмотреть на землю с высоты, увидеть ее красоты. Со временем эта мечта сбылась, правда, несколько неожиданно для меня. Но жизнь тем и хороша, что, несмотря на видение будущего и возможность предугадать, что вскоре произойдет, события все равно радуют тебя непредсказуемостью, пусть и до определенной меры. Поскольку то, что происходит с тобой, не всегда положительно сказывается на тебе и твоей судьбе, на дальнейшей возможности делать выбранное тобою в жизни дело. Болезни, невзгоды, травмы и попадания под раздачу, как бы ты не стремился их избежать, стучатся к тебе в гости. Исключений в этом вопросе нет ни для кого, в том числе и для знающего риши, которым я стал позже.

Ты можешь, зная, что делать, как себя вести, принять меры, но не избежать работы против себя сил, представители которых только и мечтают сеть тебе на спину, удобно устроиться и погонять, паразитируя на тебе и ресурсе твоих тонких тел и духа. Их работу я почувствовал на себе за прожитые годы. Тогда же, в дни далекого детства, я ничего этого не знал. Чувствовал только, что незнакомец, который пришел издалека и хотел со мной поговорить, не желал мне зла, наоборот, он хотел меня от чего-то защитить. Интуиция меня не подвела.

Риши, который появился в моей жизни, когда мне было семь с половиной лет, был, как я вижу сейчас, больше положительным явлением. Если бы тогда я не принял его предложение, то не прожил бы и сотни лет. Скорее всего, меня бы уничтожили в битвах за власть и контроль над изобретениями наших предков, которые во многом нарабатывались еще от момента прихода в Куурешт и Сиатэю ариев под руководством Рамуарата – ведущего арийского вождя, которого величали годаром.

Здесь, в Паджубе, Рамуарата называли просто Рамой. Его почитали за то, что он принес на эти земли свободу, а не гнет, развернул на землях Куурешта, Сиатэи и других княжеств производства, которых не было раньше. Раму покровительствовал торговле и много сделал для того, чтобы Индия стала одной из ведущих держав мира в то время. Так рассказывал мне отец, и тоже я узнал, когда повзрослел, имел возможность увидеть внутренним зрением и на специальных джанлах (аналог плоского экрана), когда прошел ряд просвещений и был допущен в святую святых, где были собраны достижения ариев и других наших предков. Их

хранителями длительное время выступали риши. Никто из садхов и варджунов не решался открыто противостоять им, никто, кроме Черного Полководца и его свиты, а также поборников Кали и новоиспеченных садхов, которые-то и править толком не умели и не могли вследствие своей тупости и ограниченности.

Не могу удержаться от нескольких слов в сторону грабителей и воров, которые, усевшись на трон, стали корчить из себя ревнителей устоев и защитников порядка. Их место в нэрше (тюрьма, в данном случае глубокая яма, куда водворяли заключенных). Если посмотреть на эти рожи, то все станет понятно. Рогатые существа с уродливыми лицами демонов заполнили наш мир. Их лики говорят сами за себя. Они даже не прячут свои истинные лица, воняют гнилью и пахнут тьмой, из которой вышли, но, тем не менее, крепко сидят в физических телах и требуют почитания и особого отношения к себе. Хотят, чтобы им пели хвалу, отстегивая энергии. Вот к чему мы пришли...

Я снова отклонился от темы. Наболело. Так вот, дело Рамуарата продолжил его сын – Арджен. Жизнь его была недолгой, но заслуга Арджена в том, что он все-таки сумел разгромить ведущего варджуна Падуширана в нескольких сражениях и продвинуть зону, контролируемую ариями, еще дальше на восток и на юг. Арджен пал жертвой интриг. Его отравили, а потом добили. Отравленная стрела, выпущенная из духового ружья, завершила дело. Убийцу нашли, но дело было сделано. Адепт одного из тайных орденов – был всего лишь оружием в руках сил, которые хотели остановить продвижение ариев на восток и взять реванш за прошлые поражения, но ничего не вышло.

Дело Арджена продолжил сын Фрадарха – Герм. Он, возглавляя объединенные арийские силы, дошел до устья Ганга, но вынужден был вернуться, так и не достигнув желаемой цели. В войске зрело недовольство. Воины были измотаны постоянными войнами уже на протяжении шестидесяти лет с тех пор, как в Индию пришел Рамуарат. Поэтому арии не пошли дальше на восток, как было задумано, не соединились к востоку от Тибета, как предполагалось, с ариями из другой ветви, которые должны были с севера обойти Тибет. Арийские клещи не замкнулись вокруг Тибетского нагорья и не образовали кольцо, как было задумано.

Местами обитания одной из ветвей ариев на северо-востоке от Тибета стали места, где сейчас в вашем времени, потомки, находится пустыня Гоби, а в Индии арийское влияние распространилось на местность, расположенную в среднем течении Ганга и на юг, примерно до пятнадцатой параллели.

Впрочем, арии не были захватчиками. Наоборот, Рамуарат, которого сразу после смерти стали почитать, как ведущую личность, а со временем и как бога, установил в западной части Индии, в Кууреште, порядок, максимально способствующий развитию производств и торговли. Местные элиты быстро породнились с ариями, почувствовав необходимость такого шага. Еще бы, арии несли с собой не только знания, но и апробированные и отлаженные технологии. Индия полторы тысячи лет назад стала страной, в которой они стали активно развиваться и применяться. Знаю, что это не доказуемо напрямую.

Вы, потомки, любите рыться в земле и находить в ней останки. Такие варварские обычаи будут свойственны людям в последнем, самом темном периоде Кали-юги. Но вы вряд ли что-то найдете. Большая часть достижений, примерно восемьдесят процентов производств, девяносто процентов генераторов, на которых строилось благосостояние жителей, населяющих Индию, были свернуты экзахами с приходом Кали за каких-нибудь десять-пятнадцать лет. За последующие несколько столетий все окончательно будет предано забвению за исключением незначительной части достижений и орудий производства.

Чтобы поддерживать производства, нужны источники энергии, а они вышли из строя по причине потери срока годности специальными сплавами. Нет мощных точечных источников энергии – нет производства. Мобильные кузни, на которых изготавливали различные

изделия от мечей до плугов, также исчезли. Их уже сейчас в Индии единицы, а еще пятьдесят лет назад кузни исчислялись тысячами. Технологии плавки живых сплавов забыты, точнее, сознательно преданы забвению. Нет живых сплавов, которые были широко распространены в Индии еще сто лет назад. Есть индайл – смешанный металл, всего пятую часть которого составляют ингредиенты от живых сплавов, остальное же представлено обычным железом, добытым из земли. И то, запасы индайла берегут, как зеницу ока, правители. Кто контролирует его и источники энергии, тот владеет миром.

Технологии плавки меди, доставшиеся от предков – всего лишь жалкие остатки тех знаний, которыми владели арийские варшаны (ученые). Они специально были разработаны и переданы потомкам для того, чтобы после того, как будут забыты и утеряны технологии плавки орудий из живых сплавов, можно было выжить, а не скатиться сразу в каменный век. Внедрение черных технологий через тысячелетия приведет к тому, что человечество быстро выкачает из земных недр все ресурсы, после чего начнется самый тяжелый и темный период жизни на планете. Всего я не вижу, глядя из прошлого в будущее. Поэтому не буду давать прогнозов.

Почему я так считаю? На этот вопрос я дам обстоятельный ответ в следующих главах своего мысленного письма, которое веду уже двадцать один год с небольшими перерывами. Кто-то же должен рассказать потомкам, как все было. Этим человеком оказался я, Пандуа-рамат, уже не риши и не учитель для своих учеников.

Говорят, что одиночество – худший удел из всех, который только может быть. Это вранье. Худший удел – это видеть, как результаты твоих трудов безжалостно срезает магическая коса и темная сила, а жаждущие крови и энергий магические существа, активно воплощающиеся в физические тела людей, алчут все новых жертв и защититься от этого беспредела становится все сложнее.

Когда риши снова встретился со мной, я гулял возле бассейна. Риши на этот раз сам подошел ко мне и остановился на расстоянии трех шагов от меня. Из его глаз струились тепло и доброта, а от фигуры исходила неведомая мне сила. Он как будто хотел что-то увидеть во мне, получить какое-то подтверждение догадкам, волновавшим его. Какое-то время мы смотрели друг на друга. Риши по обычаю смотрел чуть мимо моих глаз, я же внимательно рассматривал фигуру незнакомца, завернутую в плащ с неизменным посохом в руке. На поясе мужчины висел нож. Больше никакого оружия у него не было.

– Как видишь, я пришел, как и обещал, чтобы побеседовать с тобой, – начал риши издалека.

Его лицо, было непроницаемо, но я почувствовал, что риши улыбается мне. Чем-то, не знаю чем, я был ему симпатичен и близок. В ответ я промолчал, предлагая незнакомцу продолжить беседу.

– Я говорил с твоим отцом. Он сказал, что как ты решишь, так и будет, несмотря на то, что я привел ему убедительные, на мой взгляд, доводы о том, что у нас в Данжаре ты будешь в большей безопасности, чем здесь.

Я слегка нахмурился, глядя снизу вверх на мужчину. Тогда я почувствовал какой-то интерес к незнакомцу, которого видел второй раз в своей жизни. Риши явно выделялся из людей, с которыми я был до этого времени знаком. Что-то было в нем свободное, к чему хотелось приобщиться. Что мне еще в нем нравилось, так это то, что со мной, в сущности, тогда еще ребенком, которому скоро должно было исполниться восемь лет, риши говорил, как с взрослым, не сюсюкая и на равных.

– У отца храбрые и отважные воины, – произнес я тогда. – Я сам видел, как они метко стреляют и сражаются. Здесь я в безопасности. За мной всегда присматривают. Вон, – жестом указал я на стоящих невдалеке вооруженных мужчин, – видишь, воины внимательно смотрят

на нас и в случае опасности сразу же придут мне на помощь. Так что я не боюсь никого. Наши враги будут повержены.

Риши, слушая мои слова, не шелохнулся. Его лицо не изменилось. Он даже не посмотрел на воинов, стоявших в тридцати шагах от нас и внимательно наблюдавших за происходящим. Только внутри риши почему-то опечалился.

– Эти воины тебе не помогут, если за тобой придут васуты, – вскользь заметил он. – Впрочем, я рассчитывал на такой ответ. Твой отец тоже уверен в своих бойцах, но он не встречался с васутами, с насимами и представителями других тайных орденов. Если они узнают кто ты, тогда непременно явятся сюда. А они узнают, как бы я тебя не скрывал.

Слова мужчины произвели на меня некоторое впечатление. Я почему-то почувствовал, что он не врал и не преувеличивал опасность.

– Значит так, Пандар. Я тебе кое-что дам, а потом приду снова, но через несколько лет. Тогда твой возраст будет подходить к двенадцати годам. Тебе придется дать окончательный ответ на мое предложение. Твое призвание – быть риши. Дальше ты все решишь для себя сам. Мое дело защитить тебя от опасности, о которой ты не имеешь никакого представления. Для этого возьми вот эту вещь, – в руке риши появился необычный стеклянный шарик, внутри которого горел изумрудный кристалл. – Это тебе защитный амулет. Одновременно – это связь со мной. Если тебе будет грозить опасность, мысленно через изумруд в шарике обратись ко мне. Я буду знать, что тебе грозит опасность и приму меры. Никогда амулет с себя не снимай. Понял?

Я в знак понимания наклонил вперед голову.

– И еще, опасность может прийти неожиданно-негаданно. Ты заранее ее почувствуешь. Тогда не медли, обращай ко мне и сразу же к отцу. Речь будет идти о твоей жизни.

Я взял из руки риши шарик на золотистой нити и одел себе на шею. Мне стало тепло. Какое-то едва уловимое чувство безопасности окутало меня. Я почувствовал, что надежно защищен. Риши в это время усмехнулся, видимо, читая мои чувства.

– Это не все, – негромко произнес он. – Когда ты уходил, то сказал мне, чтобы, когда ты снова воплотишься, я нашел тебя в возрасте семи-восьми лет. Я выполнил твою последнюю волю. Еще ты сказал, чтобы я передал тебе вот это, – рука риши скользнула куда-то под полы плаща, и в ней, когда незнакомец разжал ладонь, заблестел прозрачный шарик, величиной с мой кулачок. – Возьми, это твое, – усмехнувшись, сказал мужчина.

Я осторожно взял из его рук шарик, положил себе на ладонь и начал его рассматривать. От шарика исходило тепло. Внутри его было встроено несколько кристаллов по какой-то необычной схеме. Их игра, когда они заблестели различными огоньками внутри прозрачной сферы, на секунду заморозила меня. Энергия, выделившаяся из шара, прошла по мне. Меня качнуло. Что-то давнее, забытое промелькнуло у меня в сознании.

– Что, вспомнил? – спросил риши.

Я непонимающе смотрел на него.

– Понимаю, не все сразу. Со временем ты все вспомнишь. Я поступил так, как ты сказал, несмотря на запрет. Ты любил нарушать запреты и когда я сказал, что детям не нужно давать такие серьезные предметы, ты сказал, что к тебе, когда ты будешь ребенком, это не относится. Впрочем, я могу взять обратно подарок, если ты мне ничего не скажешь.

– К шарiku должна быть еще какая-то принадлежность, – заявил я.

– Верно, – согласился риши. – Вот она.

Из полы плаща появилась база-подставка под шарик. Он, положенный в нее, наполовину утопал в подставке, на которой находились четыре кнопки и какой-то прямоугольный паз, прикрытый крышечкой. Риши протянул подставку мне. Я с интересом ее рассматривал. Эта вещь тоже была мне знакома, но я не мог пока вспомнить, где я ее видел. Когда я положил шарик в подставку, послышалось легкое гудение.

– Шарик довольный от того, что он на месте, – прокомментировал я происходящее. – Ему привычно находиться в ямке.

Я посмотрел на незнакомца. Он улыбался.

– Хотя это против всех правил, но вещь я оставляю тебе. Пользуйся. В других руках она работать не будет. Я сделал так, чтобы только ты мог ей пользоваться. С кнопками разберешься сам. Над шариком, когда он будет гудеть и вибрировать, ты увидишь картину. Изображение будет объемным и видимым. Ты сможешь им управлять. В базе данных есть то, что ты должен увидеть.

– А какая кнопка за что отвечает? – спросил я.

– Разберешься сам. Я пойду. А то воины и впрямь на меня смотрят со всей серьезностью. Не хочу, чтобы возник какой-то конфликт.

– Ты еще вернешься?

– Когда придет время, и ты будешь готов. Или в случае опасности тебе.

– Тогда до встречи и пусть сопутствуют тебе успех, удача и сила.

Риши снова усмехнулся.

– Береги вещи, которые я тебе передал и будь внимательным к происходящему.

После этих слов он едва заметным наклоном головы попрощался со мной, развернулся и прошествовал к выходу из двора мимо подозрительно косящихся на него воинов, число которых за время нашей беседы возросло втрое. Риши даже не посмотрел на них. Через минуту его уже не было. Встретились мы с ним снова, когда мне вот-вот должно было исполниться двенадцать лет.

Глава 2. В Данжаре

Двенадцать лет в моей жизни стали возрастом, когда я резко изменил свою судьбу. Впрочем, при дальнейшем рассмотрении моей жизни уже во время ее завершения я все отчетливее отдаю себе отчет в том, что по-другому вряд ли у меня могло сложиться. Вопрос состоял в том, кем я был ранее, что нес людям и какую задачу выполнял в прошлых воплощениях. В Индии в то время, о котором я рассказываю, преемственность между поколениями и учителями еще не была разорвана, как это случится уже спустя две-три тысячи лет. Тогда вообще не будет учителей, которые даже малой мерой не подконтрольны силам инволюции и магам. Мое прошлое во многом определило мое будущее. Один из помощников риши Катъяра, такое имя носила личность, бывшая прошлым воплощением моего духа, Хеонар, позаботился о моем следующем воплощении. Ему я обязан тем, что дожил до почтенных лет.

Хеонар нашел меня сразу, как только в семье Панду родился самый младший сын. Он долгое время издали наблюдал за тем, как развивались события, пока мне не исполнилось семь лет. Тогда, четко отдав себе отчет, что время пришло, Хеонар прибыл к моему отцу и кое-что ему рассказал. Пандурам, внимательно выслушав риши, взял время для размышления. Естественно, что Хеонар не рассказал ему всего. Он довел до сведения отца, что мне будет грозить опасность, если я в Данжаре не пройду курс обучения, обязательный для риши, побудив Пандурама всерьез задуматься о моем будущем. Отец видел меня садхом или варджуном, но мое предназначение вышло далеко за рамки его предположений. Впрочем, став варджуном, я короткое время правил и руководил княжеством, так что мечта отца определенной мерой сбылась.

Вначале, несмотря ни на что, отец не хотел меня куда-то отпускать. Он считал, что я должен воспитываться под его присмотром в кругу нанятых им учителей. Сразу после ухода Хеонара у меня появился наставник, некто Ормагон, один из ведущих философов Араваха. Ему отец поручил воспитывать меня и привить любовь к учебе. Ормагон был одним из экзавхов, но к их элите – ришам и апшарам, не принадлежал. У него не было жесткого воспитания риши. Отец считал, что такое воспитание будет для меня лишним. Да и зачем сыну варджуна углубляться в изучение боевых искусств, технологий, знаний о природе и мире, когда его обязанность править?

Ормагон же считал по-иному. Правда, вначале он не произвел на меня особого впечатления. У него не было самого главного: силы, должной крепости внутреннего стержня и уверенности в себе. Твердой рукой вести обучение, проводя нужную линию, – этого Ормагон, которому было тогда пятьдесят семь лет, делать должным образом не умел. Это я понял позже, но, когда я начал заниматься с ним, мой первый учитель произвел на меня определенное впечатление. Ормагон многое знал и с точки зрения определенной этики поведения и шкалы ценностей многому меня научил, не уча. В этом, как я позже понял, была ценность его нахождения рядом. Но основная база знаний и навыков сформировалась во мне во время обучения под руководством Хеонара в Данжаре, когда я все-таки решил для себя пройти обучение риши. К этому меня побудили события, которые произошли в моей жизни к одиннадцати годам.

Хеонар, когда я уже лет двенадцать проучился под его руководством, как-то мне сказал, что меня излишне размягчили, и я недостаточно быстро собираюсь, когда необходимо. Он имел в виду влияние Ормагона, который действительно позволял мне, мягко говоря, отлынивать от учебы и лениться. Все же я был сыном варджуна. В Данжаре, в среде ришей, мое происхождение не имело никакого значения. Наоборот, мне всякий раз приходилось доказывать себе и всем, что сын князя тоже что-то может и не такой уже бездельник и растяпа, привыкший праздно проводить время. В общем, мое положение только мешало мне. Впрочем,

чем, прошло время и об этом все забыли. Я стал своим в среде новых братьев и сестер, дело которых продолжил позже.

События, начавшие происходить в Паджубе и в Аравах, побудили меня принять решение все-таки перейти в Данжар под защиту ришей. Началось все с убийства двух юношей, которые ушли в лес и не вернулись. Их поиски не увенчались успехом. Лес или сэлвай, как говорили местные – был для них храмом природы, живым существом, которое, как и мы, люди, имел свой характер и особенности. Нельзя было нарушать не писанные законы, которые строго соблюдались жителями по некоторой негласной договоренности между силами природы, растительным и животным царством и людьми. Правила на протяжении сотен лет редко нарушались. Отступники от них становились изгоями. Даже варджун, если совет поселения во главе с ишхомом (старостой) приговорил кого-то к изгнанию, не мог ничего поделывать. Такова была воля всех жителей. Настраивать против себя людей варджуны и садхи, как правило, в те времена не хотели. Конфронтация в любом случае ни к чему доброму не приводила. Поэтому лес и его обитателей чтили. Заключалось это почитание не в жертвоприношениях или в каких-то молитвах, а в неукоснительном соблюдении правил поведения в лесу, особенно, если любой житель забредал на несколько сотен метров в сэлвай. Джунгли становились непроходимыми, если не знать троп, уже через двадцать шагов от открытого пространства. Живое в них не всегда с радостью встречало незваных посетителей.

Основным правилом поведения в лесу было соблюдение спокойствия и тишины, что внутренней, что внешней. Даже резвые подростки, забредая в лес, становились молчаливыми и внимательно слушали себя и окружающие джунгли. Глупые жесты, неуместное веселье, подтрунивание друг над другом, любое дурачество в лесу, – считались грубым нарушением правил. В таком случае удар палки был адекватным и необходимым наказанием нарушителю. Джунгли ошибок и неуважения не прощали. Это был мир, в котором неукоснительно действовали свои законы, не соблюдавшиеся на очищенном от леса пространстве.

В сэлвае все были равны. Здесь не было разделения на богатых и бедных, власть имущих и земледельцев. Были ратши – проводники, знавшие лес, а также старшие групп, как правило, опытные следопыты, не раз участвовавшие в походах. Ратши, искавшие пропавших юношей, которым было двенадцать и четырнадцать лет, определили, что молодых людей похитили. Мне же тогда недавно исполнилось одиннадцать лет. Я был занят своими делами и не знал, что произошло в одном из поселений к северу от Араваха.

Только вид отца, пришедшего домой, хмурого и чем-то расстроенного, вызвал у меня вопрос. Отец отшутился и сказал, что у него был тяжелый день. При этом он как-то пристально и задумчиво посмотрел на меня, а потом, подойдя, погладил по голове, что с его стороны было редким жестом проявления ко мне отцовской любви. Мать тоже выглядела озабоченной, хоть и скрывала свое состояние.

Через несколько дней я узнал, что произошло ритуальное убийство с целью запугать жителей Араваха, но в первую очередь прилегающих к нему поселений. Такой дикости в наших краях давно не было. Представители тайных орденов, которые, конечно же, жили в Аравах и его окрестностях, в последние десятилетия не активизировали свою деятельность, предпочитая оставаться в тени. Их активизация говорила о том, что всем жителям Араваха предстоят непростые времена. Мою защиту сразу же усилили. Ее возглавил Раджурн – один из лучших воинов в окружении отца. На него отец полагался, как на самого себя, но я почему-то тогда интуитивно ощутил, что в случае опасности мне он помочь не сможет. Чувство крепло не по дням, а по часам.

Ночью, на пятый день после исчезновения ребят, я почувствовал, что ко мне подбирается темная сила. Ее приход сложно описать словами. Тебе мало того, что становится не по себе, так еще и начинает знобить, появляется давление на голову. В моем случае меня еще преследовала мысль: «Подчинишься мне, своему новому хозяину, и тебе станет легче». Я никак

не отвечал на предложение. Вскоре я заснул, а во сне прямо передо мной вдруг возникло нечеловеческое лицо. Темные глаза буйвола, увенчанного сразу тремя парами рогов, немигающее смотрели на меня.

«Приди ко мне, – услышал я призыв существа, о котором тогда не имел никакого знания. – Не сопротивляйся мне и моей силе и тебе не будет больно». Страх сковал меня, но призыву неведомого существа я не последовал. Оно, как не хотело, не могло даже во сне до меня добраться. Все ходило рядом и устрашающе сопело. Темная, когтистая лапа раз за разом пыталась меня достать, но не могла. Что-то мешало ей. Я все понял тогда, когда существо приказало мне снять амулет, подаренный мне риши. Его приказу я не последовал, сразу сообразив, что мешает незваному гостю добраться до меня во сне. Мне было страшно тогда. Я проснулся и позвал мать, хотя знал, что она мне ничем не поможет. О случившемся со мной во сне я рассказал матери и снова уснул. Утром отец уже был возле моей кровати и, пристально взглянув на меня, спросил:

– Не слишком испугался?

– Было очень страшно, – признался я. – Если бы не шарик, – погладил я амулет, висевший у меня на груди, – призрак тьмы забрал бы меня с собой.

Отец в ответ глубоко вздохнул и ничего не сказал. Видно было, что происходящее со мной заставило его о чем-то задуматься.

– На меня еще во сне ничего не нападало, – вывел я отца из задумчивости.

– Я послал в Данжар за Хеонаром. Через двое суток, надеюсь, он будет здесь.

Что-то в словах отца мне показалось тогда странным. Сам не мог понять, что. Я не знал, что отец год тому назад серьезно разругался с ришами и с их главой – Нарашитом. Меня, естественно, не посвящали во взрослые дела. Остаться без покровительства ришей или разругаться с ними, даже имея на то определенные основания, считалось не просто серьезной ошибкой, а действием, непозволительным ни для кого, в том числе и для варджуна.

Авторитет ришей в Аравахе был настолько велик и высок, что при дворе варджуна, как правило, был всегда представитель ришей, который помогал князю и его ближайшим помощникам. Таким представителем от ришей при дворе Пандурама был Зерагарт, близкий друг отца, но его почему-то уже около полугода не было видно в Аравахе. Тогда я не знал, что в знак несогласия с действиями отца совет ришей отозвал Зерагарта из Аравахы. Вместо него на должность советника отец взял себе в помощники Рабира, который тоже обучался, как риши, получил это звание, но потом за какие-то проступки был лишен его.

Ни отец, ни никто другой не знали, что Рабир тайно принял покровительство ордена тьмы и его ведущего – Давусарга. Также отец не догадывался, что вся комбинация по продвижению Рабира в его первые помощники курировалась самим Давусаргом и ставила своей целью осуществить определенное влияние на отца, причем такое, при котором отец постепенно в течение нескольких лет стал бы послушным исполнителем чужой воли. Благодаря продвижению Рабира ко мне и смогла дотянуться во сне лапа тьмы. Я не знал тогда, что видел во сне истинную суть одного из ведущих помощников Давусарга, который, используя магические действия, пытался оказать на меня влияние.

Отец, побеседовав со мной, ушел, а я стал с нетерпением ждать того дня, когда появится Хеонар. Два дня прошло, а Хеонара не было. Тогда, используя первый раз амулет, как связующее устройство, я, настроившись на Хеонара, через шарик, как он меня и учил, мысленно произнес: «Я жду тебя, а ты не приходишь». Мысленный ответ мне пришел тут же. «Если ты готов последовать со мной, я буду. Тот, кто приходил за тобой, от тебя не отстанет. Лучше не полагаться на случай. Я не смогу тебе помочь в Аравахе».

Тут я впервые задумался. Чувство того, что мне пора принимать ответственное решение пришло ко мне. Я взял предмет, который мне дал Хеонар перед уходом, и сам не знаю как, играясь с кнопками и просматривая изображения, возникающие в воздухе над шаром, вдруг

неожиданно для себя открыл записанное сообщение, ранее мне не встречавшееся. Игрушка, которую мне вручил Хеонар несколько лет назад, все время была при мне. Я носился с ней, как с самым дорогим мне предметом. Когда я один раз потерял ее, то поставил на ноги всех домочадцев, пока мой шарик с подставкой не был найден. Я носил подарок Хеонара в специальной сумке, которую мне пошили для этих целей.

Внезапно передо мной в воздухе возникло лицо мужчины, большие и добрые глаза которого пристально, как мне казалось, смотрели на меня. От неожиданности я положил шарик с подставкой перед собой, предполагая, что услышу что-то необычное. Мужчина усмехнулся. Объемное изображение слегка вибрировало. Я увидел, что мужчина стоит на опушке леса, опираясь на посох. Потом это изображение исчезло, а передо мной вновь во всех подробностях возникло лицо незнакомца. Я не знал, сколько ему лет, но подозревал, что много, хотя видимых морщин на лице мужчины не было. Какое-то время незнакомец молчал, а потом, скупно усмехнувшись еще раз, произнес:

– Вот мы и встретились, мое будущее. Раз ты видишь меня, значит, тебе нужна помощь. В сложившейся ситуации могу сказать только одно: тебе необходимо перебраться к ришам. Только в их среде ты будешь в безопасности до тех пор, пока не научишься противостоять в одиночку силам тьмы. Для этого нужна соответствующая тренировка, знания и усердие. Без этих составляющих твои действия обречены на неудачу и никто: ни твой отец, ни его помощники, ни воины, охраняющие тебя, не помогут тебе. Наш мир постепенно становится все более зависимым от прибывающих энергий тьмы, мрака и бездны. Ты юн и мало что в этом понимаешь. Запомни, чем меньше страха ты проявляешь, чем меньше волнуешься и мечешься, тем больше у тебя шансов помочь себе и не попасть под действие темных сил. Давать советы юноше неблагодарное дело, тем более, если он не воспитывается, как риши. Ты должен знать: я – это ты в прошлом воплощении, ты – мое будущее. Помочь можешь только ты сам себе. Не став риши, ты станешь игрушкой в руках сил, которые сделают тебя безвольным и управляемым существом. Поэтому свяжись с кем-то из ришей, чтобы попасть в Данжар. Я все сказал. Дело за тобой.

Изображение исчезло, а я, недолго думая, обращаясь к Хеонару, мысленно произнес: «Приходи. Я пойду с тобой». «Жди меня через день, никуда из дома дальше двора не отходи. Будь внимателен и не поддавайся панике, чтобы не происходило». Мне оставалось только ждать и надеяться.

Хеонар сдержал слово. Через двое суток после моего обращения он пришел в Аравах за мной. Его приходу предшествовало еще одно событие, которое еще больше убедило меня в правильности моего решения. По всей видимости, меня хотели выкрасть. Мне повезло. Один из охранников вовремя заметил опасность и немедленно двинулся к месту, где заметил какую-то тень. Он погиб, но смерть его позволила мне остаться в живых. Похититель не рискнул прийти за мной. К тому же отец после того, как в доме начался переполох, а в комнату, где я спал вместе с братом, вбежали воины, решил лишний раз не рисковать и усилил мою защиту.

Теперь возле комнаты, где мы с братом спали, постоянно дежурили, сменяясь, не только воины, но и Рабир, который принял самое деятельное участие в обеспечении моей безопасности. Уже тогда, будучи еще ребенком, я заметил в Рабуре что-то такое, что отпугнуло меня от него. Я сам себе тогда затруднялся сказать, что же это было за чувство. Почему у меня возникло предубеждение, я не знал, но своему чутью доверял. Рабир же, наоборот, искал повода войти ко мне в доверие. Делал это он умно, но я интуитивно ощутил, что за его притворной расположенностью кроется что-то такое, от чего мне становилось не по себе.

Рабир очень умело втерся в доверие к отцу, причем так, что отец, сам того не замечая, не только все больше доверял Рабиру, советовался с ним, но и поручал первому советнику исполнение важных дел и распоряжений. Зависимость отца от Рабира возрастала посте-

пенно. Не знаю, чем бы все закончилось. Скорее всего, отца в результате просто-напросто убили бы тем или иным способом, если бы не вмешательство Хеонара и не случай, произошедший со мной через несколько дней. О нем не могу не сказать, поскольку данное событие стало определяющей точкой отсчета в моей дальнейшей жизни.

Заканчивался уже второй день после того, как мне угрожала опасность, а Хеонара все не было. Я ждал его, но, когда солнце стало постепенно закатываться за горизонт, понял, что Хеонар, по всей видимости, сегодня не придет. Мне стало грустно и одиноко. Я был еще ребенком, но четко чувствовал тогда, что кроме него мне никто не поможет: ни мать, ни отец, ни Рабир. Советник мне нравился все меньше, особенно после того, как Рабир начал юлить передо мной и заигрывать.

Отец не раз говорил мне, что благородство заключается в том, чтобы ни перед кем не прогибаться, не бояться, не юлить, а вести себя достойно и с силой, прилагая ее для осуществления правильных действий. В общем, он воспитывал меня, как будущего правителя, уча держаться все время распрямлено и с достоинством. Я, конечно, в те годы многого не понимал, но некоторые кривляния Рабира отметил четко.

Рабир под вечер ни с того ни с сего решил угостить меня вкусным плодом, сказав, что он отлично утоляет жажду и оказывает благотворное влияние на личность. При этом Рабир добавил, что если я съем плод, то мне приснятся интересные цветные сны. В них я буду юным правителем, а все будут меня слушаться. Говорил Рабир эти слова и угощал меня плодом излишне навязчиво. Я все же взял плод, покрутил в руках и положил в сумку, в которой хранилась самая ценная моя игрушка, подаренная мне Хеонаром, после чего, взглянув на Рабира, сам для себя неожиданно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.